

Сильвия Энтони

Открытие смерти
в детстве
и позднее

Сильвия Энтони

**Открытие смерти
в детстве и позднее**

Издательство «РИМИС»

1940

Энтони С.

Открытие смерти в детстве и позднее / С. Энтони —
Издательство «РИМИС», 1940

Первоначальная версия книги вышла в свет еще в 1940 г. и с тех пор неоднократно переиздавалась в Западной Европе и США, по сей день оставаясь широко востребованной практикующими психологами, психиатрами и социологами многих стран. Настоящее издание является пересмотренным и увеличенным автором и основано на ее дальнейшем практическом опыте. С. Энтони исследует процесс детского восприятия смерти, анализируя, как смерть фигурирует в детских играх, сновидениях, раздумьях, и проводит многочисленные исторические и психофизические параллели, отмечая сходство реакции современных детей на смерть со старинными и даже доисторическими ритуалами. На русском языке публикуется впервые.

© Энтони С., 1940

© Издательство «РИМИС», 1940

Содержание

Предисловие	5
Глава I	6
Глава II	14
Глава III	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сильвия Энтони

Открытие смерти в детстве и позднее

Предисловие

«Однажды летним днем незадолго до Второй мировой войны в лондонском саду за чаем собралась маленькая дружеская компания». Так начинается книга Сильвии Энтони. Несмотря на многозначительное «незадолго до Второй мировой войны», так могла бы начинаться какая-нибудь детская книга из тех, что повествуют о любви, дружбе, моральных устоях и страшных приключениях; о хороших героях, плохих героях и заблуждающихся героях, – книга, в которой обязательно есть горе и обязательно есть счастливый конец, во всяком случае, такой, который к концу чтения мы готовы воспринять как счастливый. Как ни странно, в книге Энтони все это есть, хотя она не только не детская, но даже не художественная: это вполне серьезное психолого-культурологическое исследование, хотя написанное не только с умом и юмором, но и со страстью, даже с некоторым миссионерским пылом. Что ж, дело начиналось до Второй мировой войны... Первая версия книги появилась в 1940-м, предисловие к ней было написано известным в то время академическим психологом и практикующим психоаналитиком. В этом предисловии он поздравлял автора с тем, что она оказалась наделена «...достаточным мужеством, чтобы преодолеть сопротивления и табу, до сих пор окружающие эту трудную и деликатную тему, – сопоставимым с мужеством авторов, которые... бросили вызов соответствующим сексуальным табу».

После Второй мировой войны отношение западной культуры к теме смерти, конечно, значительно изменилось. Общественная психика получила массивную травму и пыталась исцелять и трансформировать себя на разных уровнях. В частности, появилось множество теоретических и экспериментальных работ, посвященных смерти, смертности, агрессии, убийству, чувству вины, горю и т. д. Но книга Сильвии Энтони оказалась не забыта, напротив: возникла потребность в новом издании, учитывающем послевоенные достижения экспериментальной психологии, социологии, культурологии, психоанализа. Именно оно, опубликованное в 1971-м году, и предлагается сейчас русскоязычному читателю. Работа, проделанная Энтони, по-прежнему остается актуальной и востребованной, – не в последнюю очередь благодаря необычайной для серьезного текста многосторонности: теоретический и практический (клинический или экспериментальный) опыт разных областей знания соединен в достаточно целостную картину. Эту картину можно даже назвать волнующей: обнаружение взаимосвязей между хорошо знакомым и новым знанием многих не оставит равнодушными.

Книгу нельзя назвать популярной, но она не является и заумной; читатель ощутит, что его, безусловно, не считают слабоумным, но и не мучают понапрасну. Она адресована специалистам разных областей – психологам, психотерапевтам, социологам, педагогам, культурологам, – а также всем, кто заинтересован в некотором интеллектуальном труде и готов к нему.

Т. С. Драбкина
2008 г.

Глава I ВВЕДЕНИЕ

Однажды летним днем незадолго до Второй мировой войны в лондонском саду за чаем собралась маленькая дружеская компания. После того, как дети убежали играть, я сказала, что подумываю написать о формировании концепции смерти в детстве. Гость, Франц Боркенау (Franz Borkenau), отозвался, что ему нравится эта идея. Позже я поговорила с профессором Бартом (Burt) о том, не сделать ли это темой моей докторской диссертации (у меня тогда не было ученой степени), и он рекомендовал посоветоваться с профессором Дж. К. Флугелем (J. C. Flügel); последний, к счастью для меня и, мне хотелось бы надеяться, для него тоже, согласился быть моим супервизором. Флугель был академическим психологом, бывшим учеником Мак-Дугалл (McDougall), а также фрейдистом раннего розлива; не врачом, но опытным и высококвалифицированным психоаналитиком, каковым я не была и становиться не собиралась.

Автореферат диссертации был опубликован в 1939-м. Впоследствии диссертация была расширена до книги «Открытие смерти ребенком» (The Child's Discovery of Death). Профессор Флугель написал к ней введение, в котором коснулся факта, практически мной не рассмотренного, – а именно, что тема смерти обычно табуирована. Наблюдение Флугеля не только важно и истинно; в определенном смысле оно явилось пророческим: табу может быть атаковано под бурные аплодисменты зрителей, но при этом оно совершенно не обязательно исчезает. Скорее исчезает – хотя бы временно, – выпущенный по нему снаряд.

В моем случае аплодисменты были представлены одобрительными рецензиями видных авторов – Десмонда МакКарти, Г. У. Стониера, Розамонд Леман (Desmond McCarthy, G.W. Stonier, Rosamond Lehmann) и других, о чьих отзывах я знала, но не имела случая их прочитать, поскольку издательство, рассылавшее выдержки из прессы, разбомбили вскоре после выхода книги. Участники чаепития в саду тем временем рассеялись по трем континентам, и некоторые больше друг с другом не увиделись, хотя все пережили войну.

Флугель в своем введении написал:

Живые организмы умирают и воспроизводятся, и эти два аспекта жизни не перестают завораживать нас. Мы все убеждены сегодня, что сексуальные проблемы и пути их разрешения имеют совершенно реальную важность для развития и психического здоровья индивида. Отсюда – огромное количество книг по психологии сексуальности, появившихся в последние годы...

По психологии смерти соответствующей литературы нет, – несмотря на продемонстрированный психоанализом факт, что наши позиции по отношению к смерти и к сексуальности сходны во многих существенных аспектах. Обе темы зачастую неприятны, поскольку вызывают тревогу (хотя в своей основе эта тревога может быть различно мотивирована); те и другие переживания неудовольствия и тревоги нередко активизируют у нас одни и те же механизмы бегства, вытеснения, табуирования, символизации. (Мы говорим об «ушедшем» друге и о «падшей» женщине, в обоих случаях не выражаясь более прямо, чтобы не испытать слишком сильный аффект.) Возможно, эти две темы интимно связаны между собой идеями широко распространенными, если не универсальными.

Он поздравил меня с «обладанием достаточным мужеством, чтобы преодолеть сопротивление и табу, до сих пор окружающие эту трудную и деликатную тему – сопоставимым с мужеством авторов, которые десятилетие или два тому назад бросили вызов соответствующим сексуальным табу».

В социологическом исследовании, опубликованном в 1965-м г., на которое я буду ссылаться ниже, Джеффри Горер (Geoffrey Gorer) писал: «В 1955-м г. я сформулировал свое осознание того факта, что смерть как предмет табу предшествует сексуальности». Флугель сформулировал то же самое осознание пятнадцатью годами ранее, но Горер не ссылался ни на него, ни на «Открытие смерти ребенком», хотя книга в период своей публикации широко рецензировалась. Правда, она появилась в 1940-м, когда англичане были больше заняты организацией собственной защиты от безвременной смерти, нежели размышлениями о психологии или социологии оной. Тем не менее, заявление Горера является одним из многих примеров того, как мы практикуем те самые табу, которым бросаем вызов. Быть первым, кто осмелился нарушить табу, – это выглядит очень отважно и смело, но, может быть, истинные новаторы едва ли отдают себе отчет в собственном мужестве, которое видят в них другие. Сосредоточиваясь на изучаемом объекте, они не ощущают невидимых барьеров вокруг него и даже могут быть изумлены тем, что все вокруг так восхитительно нетронуто и не исследовано. Однако «нетронутость» может быть иллюзией. Во всяком случае, позвольте мне именно так назвать мои собственные упущения в том, чтобы отдать должное предшественникам.

Также в 1955-м Боркенау опубликовал в «Двадцатом веке» (The Twentieth Century) работу, посвященную концепции смерти, где соединял идеи Фрейда с философско-историческим анализом, изящно и масштабно охватывая как палеолитический ритуал, так и современный тоталитаризм. Используя в качестве исходной точки своих рассуждений противоречивость, обнаруженную Фрейдом в переживании смерти человеком, – бессознательно

ощущающим себя бессмертным, но сознательно осведомленным о неизбежности смерти, – Боркенау обнаружил действие этих конфликтующих между собой позиций в каждой человеческой культуре и утверждал, в гегельянской логике: цивилизации, начинающиеся с отрицания смерти, завершаются ее акцентированием, и наоборот.

Психолог в силу своего образования, возможно, относительно близорук, когда речь идет о прослеживании исторических закономерностей. Что касается меня, то гегельянская идея воспроизведения культурных установок по отношению к концепции смерти или связанным с ней ритуалам кажется мне слишком четкой, чтобы описывать актуальное человеческое поведение, как оно развертывалось на протяжении веков. Предоставим историкам и археологам опровергать или развивать элегантные теории, мысля в таких временных диапазонах. При всем этом я вовсе не хочу сказать, что элегантность не есть достоинство для науки или что история человека не нуждается в гипотезах как макро– так и микромасштаба.

К концу 1950-х табу стало явственно ослабевать. И. Е. Александер (I. E. Alexander) в 1957-м в «Американском психологическом журнале» (*American Journal of Psychology*) опубликовал статью, озаглавленную «Смерть никого не интересует?» (*Is death a matter of indifference?*), впоследствии продолжил ее исследованиями детей и подростков, на которые я буду ссылаться ниже.

Во всякой культуре люди, занимающиеся целительством в той или иной форме, имели особые отношения с табу. Они не могли не знать традиций и обычаев, обычно поддерживали и разделяли их, но они должны были касаться физически и вербально того, что в иных обстоятельствах считалось неприкасаемым. Когда в 1959-м д-р Герман Файфель (Hermann Feifei) опубликовал сборник эссе различных авторов, озаглавленный «Смысл смерти» (*The Meaning of Death*), эти авторы были в основном профессиональные медики. Однако среди прочего здесь обсуждались, причем с искренностью и проникательностью, психологические проблемы самой профессии, а в числе авторов был видный психолог. Признание вклада специалистов из других дисциплин ощущалось, как глоток свежего воздуха.

Функции первобытного целителя в цивилизованных обществах разделяются между врачом и священником. И тот, и другой могут – скорее, должны, – нарушать табу, связанные со смертью. В изданной в 1962-м книге «Человек и его судьба в свете великих религий» профессор С. Г. Ф. Брендон (*Man and his Destiny in the Great Religions*; S. G. F. Brandon) говорит об «открытии фактов смерти и рождения, которые делает каждый человек». Он продолжает:

Они расположены именно в таком порядке, поскольку в индивидуальном опыте открытие смерти обычно предшествует открытию рождения, и первое по своему характеру должно производить более глубокое впечатление. Впервые узнав, что люди умирают, ребенок незамедлительно извлекает из этого знания выводы, имеющие отношение лично к нему, и хотя в большинстве случаев первоначальный шокирующий эффект быстро вытесняется более непосредственными интересами, психика должным образом регистрирует новый факт и постепенно все более полно проникается его последствиями¹.

В этом месте автор ссылается на «Открытие смерти ребенком», что, естественно, было мне приятно, но в то же время послужило новой иллюстрацией власти табу: за двадцать два года, прошедшие со времени публикации моей книги, появилось великое множество авторитетных трудов по психологии детства, но, похоже, теологу не на что было больше сослаться, кроме единственного творения ничем больше не примечательного автора.

Я упомянула – отчасти в свою собственную защиту, – что мы склонны практиковать те самые табу, на которые нападаем. Ниже – еще один тому пример, ближе к нашему времени:

---

¹ S. G. F. Brandon, «Man and his Destiny in the Great Religions», 1962, стр. 6 (С. Г. Ф. Брендон, «Человек и его судьба в свете великих религий»).

Возможно, некоторые конфликты уникально приспособлены для порождения ночных кошмаров. Среди них – связанные с тревогой по поводу смерти. Бесчисленные исторические и антропологические примеры демонстрируют первостепенное значение смерти для человечества. Однако вплоть до недавнего времени, когда ситуация стала меняться под влиянием экзистенциалистских текстов, – например, Мэй, Энджел и Элленбергер, 1958 (May, Angel, Ellenberger), – эта тема удивительным образом вытеснялась или, по меньшей мере, избегалась американскими психологами².

Это утверждение относится только к американским психологам, поэтому нельзя сказать, что авторы имели в виду также работы, написанные в других местах. Однако на протяжении предшествующего десятилетия в Соединенных Штатах были проведены исследования и изданы работы Александера с коллегами, а также сборник под редакцией Файфеля; и то и другое имеет непосредственное отношение к теме вышеупомянутой статьи. Следующая статья в том же самом журнале посвящена измерению тревоги, связанной со смертью, и основана на исследовании реакций студентов-медиков; в ней тоже отсутствуют ссылки на работы Александера или Файфеля. Правда, в этом случае релевантность их не столь очевидна, и они могли не быть упомянуты из похвального намерения не умножать ссылки сверх необходимости.

Не будучи представителем медицины, я в течение многих лет не имела возможности продолжить свои ранние исследования, пока в 1960-е гг. не произошли три события, заставившие меня к ним вернуться. Во-первых, в результате случайного разговора с американским коллегой во время визита в Австралию в 1961-м я узнала, что «Открытие смерти ребенком» известно психологам в Штатах главным образом благодаря книге Файфеля. Во-вторых, в 1965-м мне предложили опубликовать главу из моей книги в сборнике, готовившемся в Соединенных Штатах, который должен был называться «Мир детства» (The World of the Child). И наконец, в 1969-м, когда большая часть настоящей книги была уже написана, д-р Сулла Вольф (Sula Wolff) опубликовала книгу «Влияние стресса на детей» (Children under Stress) и, в связи с ней, – также статью в «Новом обществе» (New Society), с обширными ссылками на мою работу 1940-го. Вновь возникло впечатление, что ей нет никаких альтернатив. Однако ее почти невозможно было достать, а просто переиздавать ее я не хотела, осознавая ее недостатки.

Поэтому возник план написать новую книгу, воспроизведя и дополнив ранние наблюдения, соотнеся их с более поздними исследованиями в различных областях и организовав все в целом наиболее подходящим для данного предмета образом. Это были весьма амбициозные задачи, – конечно, они не могли быть полностью осуществлены. Литература о психологическом развитии ребенка очень обширна, и я неизбежно должна была упустить что-то релевантное и важное, тем более, что моя профессиональная деятельность после публикации «Открытие смерти ребенком» не была связана с детьми. Относительно организации материала: поле практически безгранично; необходимость какого-то дизайна, а также ограничения моих личных знаний и способностей в большей мере повлияли на отбор и структуру материала, чем сама тема. Наконец, поскольку медики не находятся под властью табу, они могут свободно цитировать труды специалистов не из их области, в то время как последние едва ли с такой же легкостью могут говорить сами за себя. Их работы (пока не процитированы) могут быть сочтены непрофессиональными.

Двое из современных британских авторов, Артур Кестлер (Arthur Koestler) и Джеффри Горер, особенно известны своими текстами и лекциями на тему смерти. Кестлер уделяет особое внимание чудовищности агрессии человека и неадекватности его концепции смерти. Горер – скудости поддержки, которую британская (и другие протестантские) культура оказывают

---

² М. J. Feldman, M. Hersen, «Attitudes towards death in nightmare subjects», *Journal of Abnormal Psychology*, 1967, 77, 5 («Отношение к смерти у испытуемых, страдающих ночными кошмарами»).

людям, потерявшим своих близких. К обоим этим аспектам я вернусь, но не смогу в полной мере отдать должное аргументации авторов, поскольку не буду ее повторять.

Согласно окончательному плану книги, две темы оказались практически не затронуты: идея смерти в подростковом возрасте и самоубийство. Они требуют отдельного рассмотрения.

Горер начинает свою работу 1965-го г. автобиографическим откровением, очень ценным для развития его социологической темы. Я хотела бы сделать то же самое, но не могу, хотя отнюдь не из-за отсутствия опыта утраты и горя. Однако я могу сделать негативное утверждение: никто в моей непосредственной семье не умер, когда я была маленьким ребенком, за исключением брата-младенца, которого я не видела. Он был рожден дома, и нас, старших детей, на это время отослали. Еще до нашего возвращения мама увезла малыша в надежде найти лечение для его врожденного заболевания. Когда родители через три недели вернулись без него, мы, в свои семь, пять и четыре года, были глубоко разочарованы. Но не помню, чтобы я, пятилетняя, тогда была озадачена вопросом смерти.

В течение последнего десятилетия появилось множество исследований, с несколько противоречивыми результатами, связей между разлукой и утратой в детстве и психическими заболеваниями или расстройствами в дальнейшей жизни. Ниже я буду ссылаться на них более подробно. В медицинских журналах можно найти упоминания о разбитом сердце, на котором раньше специализировались в основном поэты. По-видимому, эффекты разлуки с матерью в раннем детстве, как и смерти отца в тот же период или позднее, могут быть долговременными и пагубными, если нужды индивида остаются не признанными и не облегченными. Однако кампания по обеспечению пенсий для вдов была длительной (1912–1925 гг. в Англии)³, и ожесточенная оппозиция, которую эта кампания встретила, ныне кажется почти невероятной, – когда мы знаем из исследования Петера Мэрриса⁴, проведенного после Второй мировой войны, о социальных и экономических страданиях, испытываемых вдовами и их детьми до сих пор, несмотря на то, что закон обеспечил им пенсии. Кажется, мужчины хотят, чтобы те, кто их лишились, продолжали иметь основательные причины для скорби. Сегодня мы больше готовы признавать смешанные мотивы, чем в дофрейдистскую эпоху.

Впрочем, разговор о причинах для скорби поверхностен и абсурден. Скорьбь сверхрациональна, это естественный императив.

«Царствие небесное. Похороны богатые»... Отбарабанил дождь комьев, которыми торопливо в четыре лопаты забросали могилу. На ней вырос холмик. На него взошел десятилетний мальчик... Его курносое лицо исказилось. Шея его вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоет. Закрыв лицо руками, мальчик зарыдал⁵.

Социальный ритуал также императивен. Накануне Второй Мировой войны в Англии, когда безработица вместе с жестокой бедностью были широко распространены, началось движение за удешевление похорон. Однако люди продолжали платить за похоронные церемонии, хотя едва ли могли позволить себе удовлетворительно питаться. Я лично знала одного фермера в Монмутшире (Monmouthshire), в те времена каждую субботу проезжавшего в своем фургоне по шахтерским долинам Ронды (Rhondda). Он продавал цветы для могил людям, которые не в состоянии были покупать яйца или овощи. Тогда была популярна песня с припевом о том, как прекрасно «лежать мертвым в цветах» и в гробу «с медными ручками». Последнее выражение было процитировано в Парламенте и осталось в языке, когда отношение его к гробу было забыто и люди, предпочитавшие шикарные похороны мертвой серости жизни, ушли в армию.

---

³ См. M. D. Stocks, «Eleanor Rathbone», 1949 (М. Д. Стоке, «Элеанор Ратбейн»).

⁴ P. Marris, «Widows and their Families», 1958 («Вдовы и их семьи»).

⁵ Б. Пастернак, «Доктор Живаго».

Переизданы ли слова этой пенсии? Кто бы ни сочинил их, это была истинная английская сатира на рабочий класс, шутка и в то же время не шутка.

Уже после окончания Второй мировой два английских автора, Ивлин Во в художественной литературе⁶ и Джессика Митфорд фактологически⁷, с явственным ужасом описали похоронные обычаи, распространенные в Соединенных Штатах. Отвращение, характерно испытываемое англичанами и шотландцами к практикам, о которых идет речь, частично, но не вполне, я полагаю, обусловлено коммерциализацией, наживой на горе. Оно также может быть связано с предписаниями культуры, осуждающей открытое проявление приватных эмоций и чуждой лицемерие во всяком соответствующем публичном ритуале. Если не считать коммерциализации, – сколь бы ни отталкивали нас описанные Во и Митфорд американские обычаи, они, насколько можно судить, ближе к древнейшим человеческим традициям, известным из письменных источников, чем короткие, сдержанные, сравнительно экономичные обряды, обычно рекомендуемые в сегодняшней Британии и даже чем более продолжительные церемонии наших государственных похорон.

Задолго до того, как египтяне научились бальзамировать трупы царственных особ, люди палеолита раскрашивали своих мертвых – по-видимому, для имитации либо для фантазийного или ритуального поддержания у них красок жизни, – и расходовали на мертвых добро, которое могло бы пригодиться живым. Не слишком богатые американцы склонны тратить на похороны члена своей семьи больше, чем на самом деле могут себе позволить. Похороны сэра Уинстона Черчилля должны были обойтись Англии в изрядную сумму. Но экономическая и эстетическая ценность имущества, захороненного вместе с фараоном или столетия спустя в Саттон Ху (Sutton Hoo) в восточной Англии, должна была быть относительно много больше для этих ранних сообществ при их объеме и благосостоянии.

Так, обсуждая похоронные обычаи, мы преодолеваем тысячелетия и барьеры между различными дисциплинами. Несомненно, эти обычаи проливают свет на представления о смерти у их участников. Но если в наши дни это свет неопределенный и колеблющийся, оставляющий многое скрытым в душевных глубинах каждого индивидуального участника, – может быть, скрытым даже от него самого, – то же самое может быть верно и касательно наших предков.

Скелеты, найденные на пороге пещер горы Кармель в Палестине, одно время считались самым древним известным ритуальным захоронением. Они поразили научный мир, поскольку скелеты, по всей видимости, соединяли в себе черты *homo sapiens* и неандертальского человека, который прежде считался более ранним и совсем отдельным видом⁸. В связи с этой находкой антрополог Маретт писал в тот период, когда она была открыта:

Вместо того, чтобы уступать страху, бесконечно враждебному человеку по своей сути, люди на протяжении многих тысячелетий встречали его лицом к лицу, вооруженные не менее безграничной надеждой... Надеждой на бессмертие, на преодоление времени, победу над ним. Насколько сила воли могла дать это, – настолько неандертальский человек, с которым нам жаль поделиться именем *Homo Sapiens*, обрел грядущую жизнь⁹.

Возможно, позиция Маретта не отражает взглядов всех его коллег-антропологов; кроме того, захоронения на горе Кармель уже не самые древние из открытых человеческих захороне-

---

⁶ E. Waugh, «The Loved One», 1948 («Незабвенная»).

⁷ J. Mitford, «The American Way of Death», 1963 («Американский путь смерти»).

⁸ D. A. E. Garrod & D. M. A. Bate (т. 1), T. D. McCown & A. Keith (т. 2), «The Stone Age of Mount Carmel», 1937, 1939 («Каменный век горы Кармель»).

⁹ R. R. Marett, «Faith, Hope and Charity in Primitive Religion», 1932, стр. 25 («Вера, надежда и милосердие в примитивных религиях»)

ний. Но, в любом случае, несомненно, что сложный комплекс представлений о жизни, смерти и о связи между ними возник очень рано и был очень широко распространен в культурной истории человечества, а также, – что человек двадцатого века, видный ученый, отождествляет себя в контексте этого комплекса со своими отдаленными предшественниками, ощущает себя близким им. Маретт предполагает и иллюстрирует устойчивую позицию по отношению к смерти, которая лежит в основе ритуальных действий и эффектов ритуала, а именно: отрицание окончательности смерти.

Исторические хроники наполнены свидетельствами столь же стойкого отрицания отрицания. Данные о предистории, в силу их специфики, не сообщают и, видимо, не могут сообщать подобных свидетельств. Гэстингс (Hastings), современник Маретта, относился к отрицанию финальности смерти скорее с сочувствием, нежели с симпатией. По его мнению, реакции людей на ужас смерти универсальны для человечества. Он писал, что этот ужас породил упрямое неверие в неизбежность смерти, а также приводил к попыткам избежать ее, повторявшимся снова и снова, несмотря на неизменные сокрушительные неудачи... Эта картина отчаянного отказа человечества принять кардинальное условие своего существования – одна из самых патетических в истории человеческой расы¹⁰.

Фрейдистская теория находит причины для этого процесса отрицания, не поддающегося рациональному объяснению. Отрицание позволяет болезненной идее получить доступ в сознание¹¹. Будут приведены примеры влияния этого психологического процесса на мысли детей о смерти. Неясно, насколько интерпретация Маретта подтверждается деталями ранних захоронений. Расположение тела в позиции плода в матке и окраска теплыми цветами, следы которых иногда находят на нем, вызывает также в памяти мысль, вложенную Гете в уста Мефистофеля: уходя из этого мира,

Чертям и призракам запрещено
Наружу выходить иной дорогой,
Чем внутрь вошли; закон на это строгий¹².

Гэстинг и Маретт оба репрезентируют концепции смерти, характерные для раннего и современного примитивного человека, – концепции, которые каждый из них разделяет. С другой стороны, видные археологи, такие как профессор Франкфорт (Frankfort), указывают: в том, что касается вечных вопросов о месте человека в природе, о его судьбе и смерти, наши стереотипы мышления грандиозно отличают нас уже от представителей ранних цивилизаций, оставивших письменные памятники. Психологическая пропасть, отделяющая нас от доисторического человека, должна быть никак не меньше.

В согласии с этой идеей пропасти между мышлением ранних и современных людей находится теория Комте (Comte) о последовательных стадиях человеческой культуры от ранней теологической до современной рационально-позитивистской. Великий французский физиолог Клод Бернар (Claude Bernard) не соглашался с Комте, утверждая, что теологическая стадия сохранялась в психике индивида бок о бок с научно-рациональной и будет существовать до тех пор, пока человек стремится познать начало и конец вещей.

Все должно иметь начало и конец. Однако мы не можем постичь ни начала, ни конца. Мы способны понять лишь среднее положение вещей, – в

---

¹⁰ J. Hastings, «Death», *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, 1908 («Смерть», *Энциклопедия религии и этики*).

¹¹ S. Ferenczi, «The problem of the acceptance of unpleasant ideas», *Further Contributions to Psychoanalysis*, 1926 (С Ференци, «Проблема принятия неприятной идеи», *Новый вклад в психоанализ*).

¹² И. В. Гете, «Фауст», перевод Б. Пастернака.

чем и состоит задача науки... Но это не мешает нам терзаться вопросами о начале и конце более, чем какими-либо другими¹³.

Это стремление, писал он, исходит от сердца, а не от головы; человек никогда не откажется от него, и в действительности именно стремление к познанию этих вещей, всегда остающихся непознанными, побуждает людей к научным исследованиям.

Бернар на самом деле вторит Паскалю, и их взгляды согласуются с теорией Фрейда о функции иррационального бессознательного, хотя в некоторых аспектах сам Фрейд легче бы принял воззрения Комте, чем Бернара.

Образует ли мышление ребенка мостик, который позволил бы современному человеку преодолеть пропасть, непреодолимо разделяющую теперешнего взрослого и раннего или даже современного первобытного человека? «Не каждый может отправиться изучать дикарей, – писал Рейнах, – но под рукой есть почти полный эквивалент: дети»¹⁴. Юнг в сравнительно ранней работе высказал мысль о том, «что мы проводим параллель между фантазийным, мифологическим мышлением древности и сходным мышлением детей, между низшими человеческими расами и жизнью в сновидениях. Этот ход мысли», – продолжает он:

знаком нам по изучению сравнительной анатомии... показывающей нам, что структура и функция человеческого тела являются результатами ряда эмбриональных изменений, соответствующих аналогичным изменениям в ходе истории расы. Таким образом, оправданно предположение, что в психологии онтогенез соответствует филогенезу... Стадия инфантильного мышления есть не что иное, как воспроизведение доисторического и древнего¹⁵.

Теория рекапитуляции, или сокращенного повторения, на которую ссылается Юнг, подробно разработана американскими психологами Стэнли Холлом и Дж. М. Болдуином (Stanley Hall, J. M. Baldwin). В то время, когда Юнг писал «Психологию бессознательного», рекапитуляция признавалась также Фрейдом, Ранком, Абрахамом и другими психоаналитиками. Сегодняшние психологи ее не принимают. Маргарет Мид (Margaret Mead) в 1954-м г., однако, высказала мысль, что эта теория по-прежнему в значительной мере составляет основу психоаналитического мышления. Она писала, что концепция «примитивного», или первобытного, сводится к некоему образу, «синтезированному на основе гибрида социологической и псевдобиологической теорий», который в последующих психологических исследованиях считался подобным «ребенку» или «психотику». «Полностью погруженный в культуру представитель живой культуры отличается в каждом отдельном аспекте и в целом от членов любой другой культуры»¹⁶.

Детей, однако, нигде нельзя считать полностью погруженными в культуру; возможно, правильно было сказать, что всюду существует субкультура детства. Вопрос о том, схожи ли реакции детей, когда они наблюдают смерть или имеют дело с чем-то напоминающим о ней, с соответствующими известными нам реакциями представителей культур, удаленных от их собственной во времени или в пространстве, заслуживает серьезного отношения со стороны психологов. Во второй главе будут приведены примеры поведения, в котором проявляется это сходство. В третьей главе предлагается объяснительная теория.

---

¹³ С. Bernard, *Philosophie*; цит. по Chevalier (ред.), 1937.

¹⁴ S. Reinach, «Orpheus», 1960 («Орфей»).

¹⁵ К. Г. Юнг, «Психология бессознательного».

¹⁶ M. Mead, «Research on primitive children»; L. Carmichael (ред.), *Manual of Child Psychology*, 1954 («Исследование первобытных детей»; *Руководство по детской психологии*).

Глава II РЕКАПИТУЛЯЦИЯ?

Теория о соответствии стадий психологического развития ребенка стадиям развития человеческой расы общепризнанно считалась универсальным психологическим законом. Ныне эта теория отвергнута. Но если мы изучаем развитие представлений ребенка о смерти, она все же представляет для нас немалый интерес, поскольку мы располагаем изрядной археологической и антропологической информацией о развитии этих представлений в культуре, – возможно, большей, чем о каких-либо еще. Прежде чем на самом деле отвергнуть эту теорию, полезно было бы исследовать и проиллюстрировать основания, на которых она могла логичным образом возникнуть. Какое именно поведение современных детей – и в чем именно, – походит на известное нам поведение древнего или современного доиндустриального человека перед лицом смерти?

Как сообщает нам Франкфорт, примитивное мышление ищет причину ищет не «как», но «кто»... Он ищет целенаправленную волю, совершающую действие... Мы понимаем сущность явлений не за счет их особенностей, но за счет того, что делает их проявлением общих законов. Но общий закон не может оценить по достоинству индивидуальность каждого явления. А как раз индивидуальный характер явления сильнее всего переживается древним человеком...

Смерти кто-то пожелал. И поэтому вопрос опять-таки обращается от «почему» к «кто», а не к «как»¹⁷.

Обнаружилось, что некоторые маленькие дети и некоторые дети постарше с низким интеллектом из числа наших испытуемых мыслили аналогичным образом. Когда им предъявили ряд английских слов (в исследовательской программе, которая подробнее будет описана ниже) и предложили сказать, что каждое из них значит, по поводу «мертвый» эти дети говорили: «убитый». Для них состояние «мертвый» предполагало кого-то, – одушевленного агента, «виновника».

Данные исследований профессора Пиаже (Piaget), посвященных представлениям детей о причинности, свидетельствуют о процессах мышления, к которым вполне можно было бы применить описания профессора Франкфорта, относящиеся к раннему человеку. Определение мертвого как убитого указывает на то, что ребенок проделывает два скачка, то есть рационально не обоснованных перехода, в своем мышлении по поводу смерти: не только сосредотачивается на «кто», полагая целенаправленную волю причиной смерти, но также уклоняется от «что», то есть от внимания к самому факту, состоянию смерти.

Обобщения по поводу мышления, раннего или современного, детского или взрослого, не должны делать нас слепыми к неизменно присутствующим вариациям, – между сообществами, даже находящимися примерно на одном уровне культурного развития, и между индивидами, находящимися на одной стадии развития. Наука интересуется не только общими законами, формулируемыми достаточно просто, но также законами более частными и сложными, которые управляют разнообразием. «Даже у самых примитивных народов, – писал Малиновский, – отношение к смерти бесконечно более сложно и, я могу добавить, более сходно с нашим, чем обычно считается»¹⁸. Островитяне Тихого океана (Тробрианских островов), которых он изучал, полагали, что смерть редко наступает без вмешательства злого духа; их культура не признавала смерть по естественным причинам, однако, по-видимому, у них присутствовала идея, что некоторые очень ничтожные люди могут умирать просто от старости. Примитивное мышление в таких областях не исключает противоречий и неопределенностей, – так же, как и детское мышление в нашей собственной культуре, в чем мы убедимся ниже.

Позвольте мне привести еще один пример сходства. В данном случае ребенок предложил некое действие в связи со своей собственной смертью, подобное которому могли бы предпринять для него его близкие в отдаленные времена в случае его смерти. Джереми – из тех немногих, чьи родители вели для меня запись его упоминаний о смерти или реакций на смерть. Нижеследующая запись была сделана матерью, которая, однако, отсутствовала в момент события:

[ДЗ 1]¹⁹ В 6:15 вечера Джереми (5 л. 10 м.) был в ванной, готовясь укладываться спать, и внезапно заявил няне Маргарет – он был с ней вдвоем, – что он умрет, но не хотел бы умереть без Буби (его игрушечный кролик). Мгновение он выглядел печальным, но почти тотчас вновь стал вполне жизнерадостным.

Часто описываются скрупулезные приготовления к жизни после смерти египетских фараонов. Древний ассирийский царь, излагая свои добродетельные поступки, включил в их число благочестивые похороны своего отца и любопытным образом использовал настоящее время: «Его царские украшения, которые он любит, я выложил перед [богом] Шамашем и поместил

---

¹⁷ Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт и др., «В преддверии философии», М., «Наука», 1984, стр. 35.

¹⁸ Б. Малиновский, «Магия, наука и религия», Рефл-бук, 1998, стр. 49.

¹⁹ Выдержки из домашних записей будут нумероваться последовательно [ДЗ]. В каждом случае родитель датировал запись; в книге записей указывалась дата рождения ребенка, а в каждой записи – его точный возраст на момент записи. Я привожу тексты точно так, как они были записаны родственниками.

их в могилу с отцом»²⁰. Подобные объекты находят в могилах самых разных времен и народов; приведенная цитата – сравнительно редкое свидетельство психологической установки, которая лежит в основе отнюдь не столь редкой практики.

Третий пример сходства между мышлением детей в нашей культуре и мышлением, характерным для других культур, касается идеи реинкарнации. Мама Фрэнсиса сообщила следующее:

[ДЗ 2] Фрэнсис (5 л. 1 м.) видел, как в дом внесли гроб и во время вечернего купания был полон возбуждения. Последовала некая беседа про гроб, про то, почему его нужно заколачивать и т. п. Затем следующее: Ф.: «Конечно, человек, который там [т. е. в гробу], станет ребеночком, правда?» М.: «Почему ты так думаешь?» Ф.: «Станет, правда?» М.: «Не знаю». Ф.: «Когда Джон [младший брат Ф.] родился, кто-то должен был умереть». Все это говорилось убежденно, как если бы не было никаких сомнений. Дальнейший разговор перешел на другую тему и был посвящен кранам, из которых капает вода. Все это происходило во время приема ванны».

Сьюзен Исаак²¹ рассказывает о подобной же убежденности пятилетней девочки, и еще один пример приводит Юнг, хотя последний случай сложнее, поскольку ребенку, Анне, сказали, что ее бабушка после смерти станет ангелом и что младенцы – это маленькие ангелы, которых приносит аист²². Возможно, британские дети меньше знакомы с аистом, чем немецкие, но ниже мы снова встретимся с ними в домашних записях, хотя и не как с аргументом в пользу реинкарнации.

Четвертый пример касается шокирующего примитивного похоронного ритуала, который воображение ребенка расцветило осознанным фантазированием и весельем. У меланезийцев Новой Гвинеи был обычай, даже, скорее, сакральная обязанность: поедать плоть умершего. Этот обычай продолжал соблюдаться втайне и после того, как был запрещен и преследовался суровыми наказаниями белой администрацией. «Это делается с явным отвращением и ужасом и обычно сопровождается приступом сильной рвоты. И в то же время это считается актом наивысшего почитания»²³. Геродот знал о подобном обычае, практиковавшемся в удаленных от Греции племенах, далеко на востоке, возможно, близ границ Китая; сообщалось, что он сохранялся до тринадцатого столетия н. э. у людей, живших на территории теперешнего Тибета. Они, как говорилось о них, съедали тела своих покойных родителей, поскольку «из жалости они не могли допустить для них иного места погребения, чем собственные внутренности»²⁴.

А вот что рассказывается о ребенке:

[ДЗ 3] Бен (6 л. 4 м.): «Почему нельзя сохранить сливки на следующий день?» (У семьи не было холодильника.) М.: «Потому что они испортятся. Большинство вещей, которые были живыми, портятся. Если не съешь их быстро, вообще не сможешь съесть». Б.: «Как ты думаешь, когда мы умираем, мы отправляемся в магазин на небе, там Бог покупает нас, забирает в свою кладовку и съедает?»

Пятый пример также отсылает нас к шокирующему древнему ритуалу. Но напоминающая о нем фантазия не предполагает бесчувственной жестокости, а мотивирована лишь стра-

²⁰ A. Heidel, «The Gilgamesh epic and Old Testament Parallels», 1946, стр. 139 (А. Хейдел, «Параллели между эпосом о Гильгамеше и Ветхим Заветом»).

²¹ S. Isaacs, «The Social Development of Young Children», 1930, стр. 161 («Социальное развитие маленьких детей»).

²² C. G. Jung, «The Development of Personality», 1954 («Развитие личности»).

²³ Малиновский, цит. выше, стр. 51.

²⁴ Геродот, «История», Олма-пресс, 2004; III, 38 и IV, 26.

хом разлуки с любимыми людьми, который, несомненно, был также главным мотивом исходной первобытной практики. Древних властителей в их могилах обеспечивали не только пищей, украшениями и мебелью, но также слугами. Фараоны считались бессмертными, и разделить с ними их гробницу могло быть завидной привилегией. Индуистские вдовы еще на памяти живущих ныне людей присоединялись к своим мужьям на погребальном костре. Практика сати отнюдь не была локальной; у нас также нет оснований полагать, что смерть всегда была актом доброй воли или самоубийства. «[Следы этой практики] находили в Уре в Шумере, в неолитических захоронениях восточной Сибири и, наконец, в недавние времена она существовала у баньоро Уганды, которые хоронили своего вождя в могиле, выложенной живыми телами его жен и домашних слуг, которым ломали руки и ноги, чтобы предотвратить их бегство»²⁵.

[ПИ 1]²⁶ Норвежский психолог В. Расмуссен (V. Rasmussen) приводит слова своей дочери S (6 л. 8 м.), обращенные к ее матери: «Ты должна оставаться со мной каждый день, и, когда я умру, ты должна быть в гробу со мной».

Ритуальные жертвоприношения детей также были распространенной и многовековой практикой. В древней Палестине детей приносили в жертву, поклоняясь богу-царю Молоху, или Мелеку, или Балу, богу войны; о них упоминается во Второзаконии, в исторических книгах²⁷ Ветхого Завета, и они постоянно осуждались древнееврейскими пророками²⁸. Манассия был лишь одним из царей, кто «поставил жертвенники Ваалу... и поклонялся всему воинству небесному, и служил ему... и провел сына своего чрез огонь, и гадал, и ворожил, и завел вызывателей мертвецов и волшебников»²⁹. Обличения Иеремии косвенно свидетельствуют, что даже для евреев эти жертвоприношения в отдаленные времена, по-видимому, были освящены религией, на что, собственно, ясно указывает история Авраама.

Первенец находился в наибольшей опасности. Иезекиель сообщает о проведении через огонь «всякий первый плод утробы»³⁰. Признание права Бога на первенца мужского пола было выражено в ритуалах еврейской Пасхи: первенцы мужского пола и людей, и скота были посвящены Ему, но жертвоприношения можно было избежать путем искупления.

Каждого первенца человеческого из сынов твоих выкупай агнцем; если не выкупишь, должен сломать ему шею; всякого первенца из сынов твоих выкупай³¹.

Фрэзер³² сообщает, что практики убийства первенца, а в некоторых случаях и съедения его, некогда были распространены в Австралии, Китае, Индии, Африке, России и Ирландии. Для древних греков пол жертвы, по-видимому, не был важен. Агамемнон обещал своего первенца богине еще до рождения ребенка. В греческих легендах часто возникает тема убийства ребенка с последующей его сервировкой ничего не подозревающему отцу; тот, кто съедал, был

²⁵ S. Cole, «The Prehistory of East Africa», 1954, стр. 107 (С. Коул, «Восточная Африка в доисторические времена»).

²⁶ Отчеты о высказываниях детей, цитированные непосредственно из научных публикаций, будут последовательно нумероваться с аббревиатурой [ПИ] (публичные источники). Сюда будут отнесены также биографические данные, но не будут отнесены случаи, когда ссылка общая или косвенная.

²⁷ Исторические книги, или Хроники Ветхого Завета – Первая и Вторая книги Паралипоменон (прим. пер.).

²⁸ Второзаконие 18, 9–10; 2-я Книга Царств 16, 3; 21, 6; 2 Паралипоменон 28, 3; Исайя 57, 5; Иеремия 7, 31; 19, 3–9; 32, 30–36; Иезекиель 23, 36–39; Михей 6, 7. См. также S. A. Cook, «Israel before the Prophets», *Cambridge Ancient History*, т. 3, гл. 9 (С. А. Кук, «Израиль до пророков», *Кембриджские исследования по древней истории*).

²⁹ 4-я книга Царств 21, 3–6 (прим. пер.).

³⁰ Иезекииль 20, 26 (прим. пер.).

³¹ Исход 13, 13 (Правда, точно такой текст в русскоязычном издании Библии найти не удалось, хотя суть, разумеется, сомнений не вызывает – прим. пер.).

³² Дж. Дж. Фрэзер, «Золотая ветвь», Москва, Издательство политической литературы, 1986.

более, чем убийца, повинен в святотатстве. В Аркадии человеческие жертвы Зевсу сохранялись до 2-го столетия н. э.³³; то же самое – в Карфагене, колонизированном финикийцами (хананеянами). Плутарх сообщает, что победившие греки поставили условием мирного договора прекращение принесения детей в жертву Ваалу, но карфагеняне впоследствии отказались выполнять диктат.

Отношение ребенка к опасности ритуального принесения в жертву отображено с минимумом литературных изысков в древнееврейских историях об Аврааме и Исааке и о дочери Иеффая³⁴.

Но в других легендах ни мотивы родителя не выглядят столь чистыми, ни реакции ребенка – столь благородными. Тревога, испытываемая исполнителями акта социально одобренного, но биологически почти неприемлемого – которая могла быть вызвана как согласием, так и несогласием с обычаем, – рационализирована³⁵ в истории Эдипа как угроза, исходящая от младенца, обеспечившая отца и мать мощным этическим оправданием³⁶. Но если убитый ребенок был девочкой, у матери не было такого оправдания. Жертвоприношение Ифигении, подобно попытке убийства Эдипа, запустило цепную реакцию греховных совокуплений и кровопролитий.

Испытывали ли дети в этих культурах тревогу? Мы не знаем. Ребенок может верить, что какая-то из ночей таинственно станет для него последней, и не выказывать тревоги:

[ДЗ 4] Френсис (4 г. 11 м.): «Мамочка, цветы умирают, и мы умираем, да?» М.: «Да». Ф.: «Кто ночью убивает нас? Иисус?»

Мама, сделавшая эту запись, добавила: «Идея насчет Иисуса, убивающего нас по ночам, связана, я думаю, с тем, что Френсису недавно читали детский стишок про Матфея, Марка, Луку и Иоанна, в котором есть такие строчки:

Прежде чем отойти ко сну,
Я душу свою поручу Христу,
Молясь, что если умру во сне,
Пусть душу мою заберет к себе.

Тогда Френсис никак это не прокомментировал».

В другом примере ребенок после разговора о началах ассоциирует смерть человеческих существ с наблюдаемой им смертью растений в саду.

[ДЗ 5] Бен (3 г. 4 м.) в домашнем саду с матерью; после того, как она поздоровалась с проходившей мимо подругой, с которой вместе училась в школе, спросил ее, где был он, когда она училась в школе. М.: «Тебя еще вовсе не было». Б.: «Да, я был внутри тебя». М.: «Нет, не думаю, чтобы ты тогда где-нибудь был». Б.: «Я был под твоими ногами».

---

³³ W. R. Holiday, «The religion and Mythology of the Greeks», *Cambridge Ancient History*, т. 3, гл. 22 (У. Р. Холлидэй, «Религия и мифология греков», *Кембриджские исследования по древней истории*).

³⁴ Бытие 22,1; книга Судей 11, 30–40.

³⁵ «Рационализация» – психологическая защита. Как и всякая психологическая защита, она защищает психику человека от непереносимых или неприемлемых переживаний. В данном случае имеется в виду, что жертвоприношение собственного ребенка должно было вызывать внутренний конфликт и соответствующую тревогу, но этот конфликт вытеснялся из сознания, а тревога могла найти подходящее «разумное», или рациональное, объяснение, которое к тому же этически оправдывало бы страшный акт (*прим. пер.*).

³⁶ Эдип не был ритуально принесен в жертву, он был брошен, оставлен беззащитным; эта практика, согласно Гиббону (Gibbon), иногда предписывалась, иногда допускалась и почти всегда была безнаказанной... Кровь младенцев пятнала Римскую Империю... до тех пор, пока такие убийства не были включены Валентинианом в Корнелианское право [530–533 гг. н. э.]. «Decline and Fall of the Roman Empire», 1776, гл. 44 («Закат и падение Римской Империи»).

Несколько дней спустя Бен спросил, как появляются весной растения из земли после того, как зимой их не было видно; получив ответ, осведомился:

[ДЗ 6] Бен (3 г. 4 м.): «Когда мы все умрем, и нас не будет, а потом вернемся снова?»

Во многих мифологиях жизнь после смерти и подземный мир ассоциированы с циклами жизни растений и с плодородием. Богини плодородия и луны, Иштар (Ашторет, Астарт) и Деметра, скорбят по ушедшим юным, Таммузу и Персефоне, и разыскивают их во тьме подземного мира, из которого те только временно могут вернуться к солнечному свету. Ежегодное обновление жизни зависело от ритуального соединения мужского и женского принципов; в некоторых культурах этому ритуалу сопутствовали человеческие жертвоприношения. Пророк Иезекиель, который осуждал своих соотечественников за жертвенные сожжения детей, также среди их нечестивых действий называл обряды, производимые во тьме под землей, в пещерах с нарисованными на стенах животными и на открытом воздухе, где женщины оплакивают Таммуза, глядя на север, где неизменная Полярная звезда символизировала вечную жизнь³⁷. Еще одно нечестивое действие осуществляла группа мужчин, которые стояли между притвором и жертвенником, спиной к храму, и поклонялись восходящему на востоке солнцу, мифологическому источнику воскрешения.

Фрэзер проследил взаимосвязи между культом Таммуза и легендами о золотой ветви, которую должен был сорвать Эней, прежде чем совершить путь в подземный мир, чтобы встретиться с покойным отцом³⁸. Золото как символ бессмертия до настоящего времени сохраняет мистическое очарование³⁹. Вергилий писал, что золотая ветвь походит на омелу, живущую соками другого растения и в скованном морозом зимнем лесу плодоносящую золотыми ягодами⁴⁰. Ассоциации омелы со священным обновлением жизни, с зимним солнцестоянием и с разрешением поцеловать любого представителя противоположного пола – о чем рассказывают детям на Рождество, – несомненно, восходят ко временам задолго до Рождества Христова.

Листья многих не вечнозеленых деревьев приобретают золотой цвет к концу года, так что золотые ветви могут напоминать о смерти независимо от Вергилия или сэра Джеймса Фрэзера. Поэт Дж. М. Хопкинс (G. M. Hopkins) говорит о ребенке, который плакал оттого, что «Золотая роща облетает»; что «когда сердце состарится, / Оно меньше будет страдать, видя это», но зато тогда Маргарет будет знать, отчего она плачет:

Каково бы ни было имя, дитя,
Твоей скорби, причина ее одна,
Не мыслимо, не вырази́мо словами
То, что чует сердце, о чем догадывается душа;
Для тлена рожден человек,
Маргарет – имя той, о ком ты скорбишь⁴¹.

В наших домашних записях нет речи ни о золоте, ни о золотых листьях, но в них обнаруживается любопытное упоминание о реинкарнации, заставляющее вспомнить об «Энеиде»:

³⁷ Иезекииль 8, 7–16.

³⁸ Дж. Дж. Фрэзер, цит. выше; Вергилий, «Энеида» vi, 136–148, 205–209 (Вергилий, Собрание сочинений, Студия Биографика, СПб., 1994).

³⁹ По поводу золота как символа бессмертия см. Р. Онианс, «На коленях богов», М., 1999.

⁴⁰ Г. Е. Батлер (H. E. Butler) во «Введении к Энеиде книга vi» («Introduction to Aeneid Book vi») указывает, что в южной Европе приносящая золотые ягоды омела не плодоносит зимой; Вергилий мог знать об этом, но позволил себе поэтическую вольность, чтобы соединить в золотой ветви два мистических качества.

⁴¹ Подстрочник, к сожалению (*прим. пер.*).

[ДЗ 7] Бен (9 л. 2 м.), в ходе длительной беседы с отцом и младшим братом: «Мама говорит, что мы рождаемся снова каждую тысячу лет».

В Европе плодовитость монархов продолжала влиять на судьбу их подданных спустя столетия после того, как народы перестали ассоциировать ее с плодовитостью скота и плодородием земли. Можно было ожидать, что с уменьшением политической власти монархий это народное суеверие исчезнет, но в Англии с ослаблением политического влияния королевской семьи ее подданные, казалось, стали еще больше отождествлять себя с ней. Когда умер Георг V, английские дети одновременно узнали об его смерти и о женитьбе наследника, Эдуарда VIII.

Ричард был озадачен положением дел и в конце концов суммировал ситуацию следующим образом:

[ДЗ 8] Ричард (3 г. 11 м.): «Старый король умер и женился; новый король не умер и не женился».

Этот пример показывает, насколько туманно понятие «мертвый» для четырехлетнего ребенка. Он также демонстрирует определенные психологические ассоциации, существовавшие веками и обнаруживаемые в далеком прошлом человечества. В последнем и предпоследнем примерах мысли ребенка связаны с тем, что он непосредственно услышал от взрослых; в других примерах дети, по-видимому, спонтанно высказывают идеи и убеждения, сходные с теми, о которых сообщается в исследованиях и хрониках культур, далеких от их собственной. Выше упоминалась признанная ныне несостоятельной теория о том, что индивид проходит последовательность стадий психологического развития, соответствующих стадиям культурного развития человечества. Однако сомневаться в этом побуждает не только наблюдение процессов индивидуального развития; если проследить долговременное развитие концепции смерти в любой конкретной культуре по ее историческим источникам, то трудно будет обнаружить последовательный эволюционный процесс. Возникает впечатление, что в обществах современных и древних, примитивных и цивилизованных живут или жили бок о бок верующий в загробную жизнь, скептик и безразличный; кроме того, большинство людей находят в себе и того, и другого, и третьего. А в истории культуры соответствующие переходы происходят не последовательным линейным образом, а, скорее, принимая форму долговременных колебаний. Здесь уже говорилось о теории следующих друг за другом цивилизаций Боркенау, которые расцветают на основе отрицания смерти или фиксации на смерти, а ко времени упадка сменяют эту позицию на противоположную.

Пример процесса общекультурных изменений такого рода можно найти в ученом изложении⁴² ранней религиозной истории евреев; их переведенные письменные памятники – фундамент Западной культуры – наиболее нам доступны. Погребальные ритуалы в стране и во времена древнееврейских патриархов (Авраам, Исаак, Иаков) свидетельствуют о вере в продолжение жизни в могиле; правда, могилы детей Израилевых того периода невозможно отличить от прочих. Авторы книг Бытия, Исхода и других ранних книг Ветхого Завета неустанно отвергали эту веру. Обряды, предполагающие веру в жизнь после смерти, явным образом запрещались; судьба индивида после смерти была окружена молчанием. Несмотря на ортодоксальность священников и обличения пророков, эта вера не исчезала. Заявления, что Единый Бог ниспосылает людям заслуженные награды и кары еще при жизни, расходились с фактами, а факты – с представлениями о справедливости. Страдающий Иов мог только молить:

Не малы ли дни мои?

---

⁴² S. G. F. Brandon, «Man and his Destiny in the Great Religions», 1962, гл. 4 (С. Дж. Ф. Брэндон, «Человек и его судьба в великих религиях»). Место в книге Иова, вдохновившее Генделя на его величественную арию «Знаю, что жив мой Спаситель», видимо, слишком мистично, чтобы интерпретировать его как выражение веры в телесное воскресение.

Оставь, отступи от меня,
чтобы я немного ободрился,
прежде нежели отойду, – и уже не возвращусь,
– в страну тьмы и сени смертной...⁴³

Иов не отрицал окончательность смерти; вопрос был в том, как она согласуется со всемогуществом и милостью Бога. Более поздние канонические и апокрифические тексты, крепко держась за последнее, отказываются от первого. У Иезекиеля высохшие кости оживают, могилы открываются⁴⁴. Даниил пророчествует: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление»⁴⁵. В сохранившихся еврейских источниках вера в телесное воскресение появляется со второго столетия до н. э.⁴⁶ А в первом столетии н. э. христиане были вовсе не единственной еврейской сектой, в которой эта вера была признана, а ее отрицание считалось ересью.

Таким образом, библиология показывает, что в иудаизме, вскормившем также западную культуру, эволюция представлений о смерти отнюдь не происходила линейным образом; скорее, было некое принятое мировосприятие, подобное мелодии, организованной вокруг басов традиционной практики, с контрапунктом или контрапунктами, которые в должный момент берут на себя руководство развитием мелодии. Это означает, что теория детского развития как рекапитуляции несостоятельна, и что еще предстоит искать ответ на вопрос, почему же мысли ребенка о смерти, зачастую явно спонтанные, оказываются сходны с представлениями культур, далеких от его собственной. Ни воззрения, преобладающие в его культуре, ни вариации внутри этой культуры, по-видимому, не могут нам здесь помочь.

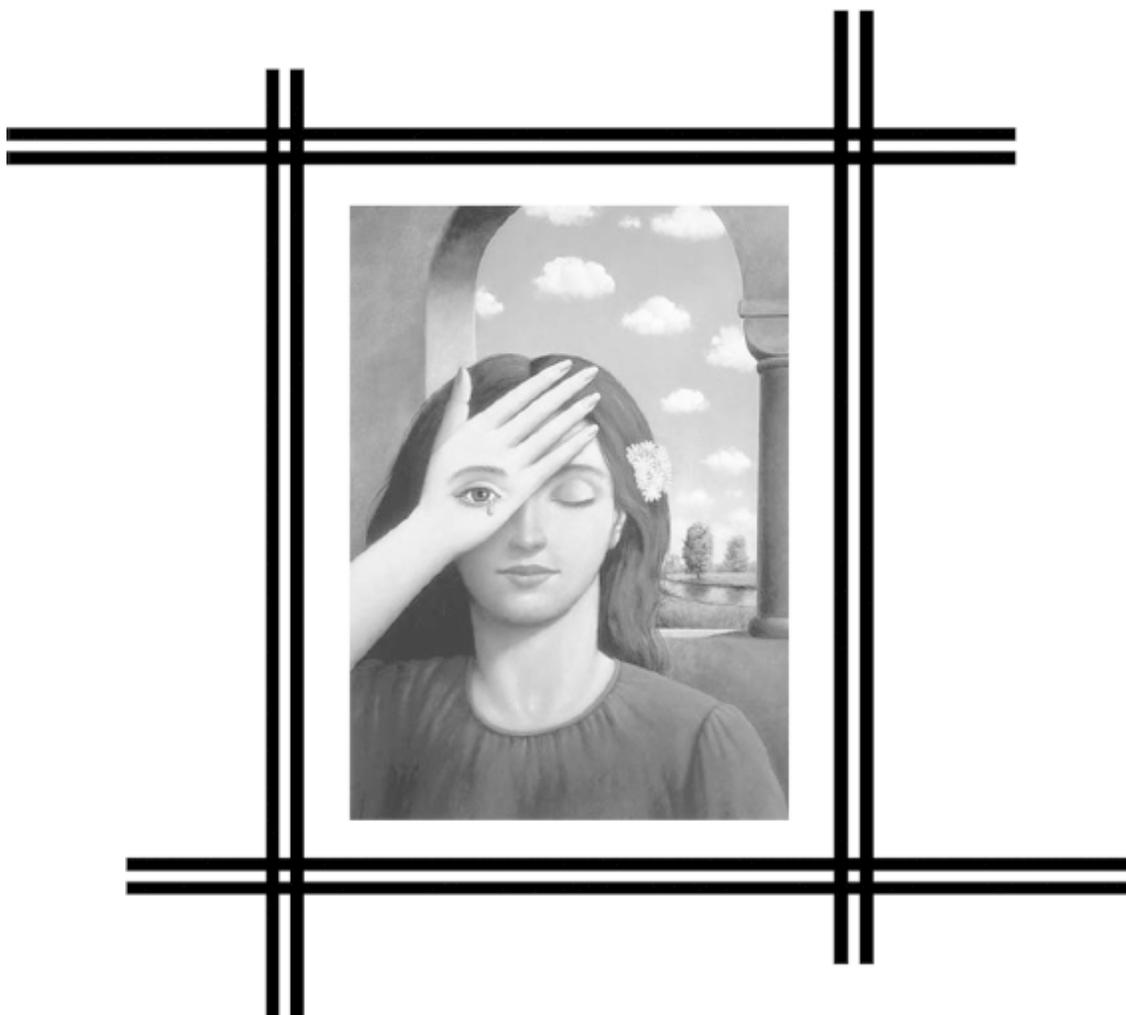
⁴³ Книга Иова 10, 20–21 (*прим. пер.*).

⁴⁴ Иезекиель 37, 1–14 (*прим. пер.*).

⁴⁵ Даниил 12, 2 (*прим. пер.*).

⁴⁶ 2-я кн. Маккавеев, xii; см. Брэндон, цит. выше, стр. 137.

Глава III ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

Если то, что наши дети говорят и делают в связи со смертью, сходно с поведением людей, живших в далекие времена и в далеких местах, и если теории рекапитуляции и расового бессознательного признаны несостоятельными, – каким же может быть принцип объяснения этого сходства?

Возможно, – тот самый, который использует Онианс для объяснения своих наблюдений в исследовании «Истоки представлений европейцев о теле, душе, мире, времени и судьбе»⁴⁷. Онианс обнаружил, что греческая и римская мысль на данные темы совпадала, при небольших вариациях, с воззрениями кельтов, славян, германцев и других индоевропейцев, а также – древних египтян, вавилонян и древних евреев. Он высказывает следующую идею: хотя невозможно полностью исключить непосредственные влияния, главное заключается в том, что *одни и те же феномены приводят к одним и тем же выводам*. Его гипотеза приобретает особую убедительность, когда обнаруживаются, например, сходные обычаи и верования древних китайцев и южноамериканских аборигенов, – эти народы едва ли могли влиять друг на друга.

---

⁴⁷ Р. Онианс, «На коленях богов», М., 1999 (R. B. Onians, «The Origins of European Thought about the Body, the Soul, the World, Time and Fate», 1954).

Но чтобы этот простой принцип мог стать психологическим объяснением, его сфера должна быть расширена. *Одни и те же выводы* у Онианса относятся к поведению и убеждениям изучавшихся им народов, связанным с темами, перечисленными в заглавии его книги. По-видимому, оправданным будет добавить к их списку тему смерти и аналогичным образом исследовать высказывания детей.

Выводы достигаются путем процессов мышления, или умозаключения, – не в результате непосредственного восприятия, сенсорного схватывания⁴⁸, действия условных (а тем более безусловных) рефлексов, внешнего принуждения или иных психологических процессов, разве что оказывающих воздействия лишь случайные и несущественные.

Одни и те же феномены. Под феноменом понимается элемент опыта в любой данный момент. *Опыт* предполагает того, кто этот опыт переживает, или субъекта. Опыт может включать все воспринимаемое – как собственный аффект, как объект или как квазиобъект, – независимо от того, считается ли оно обладающим независимой реальностью, то есть познаваемым. Здесь мы должны избежать вовлечения в философские проблемы, подобные тем, что поднимал Беркли 200 лет назад и сегодня обсуждают в феноменологии. Мы исходим из того, что в каждый данный момент многими людьми феномены воспринимаются в достаточной мере *одними и теми же*, чтобы позволить коммуникацию по их поводу, при которой участники могут понимать друг друга. Мы также полагаем, что такая коммуникация или ее возможность обычно продолжается также за пределами моментов непосредственного опыта. То есть описываемые вещи или события воспринимаются как *одни и те же феномены*, и мы не раздумываем о том, почему можем их так воспринимать, – вследствие объективных компонент, или субъективного отбора, или организации опыта; главное – в результате коммуникация по поводу вещей или событий становится возможна.

Истоки. Онианс не утверждает, что всех людей одни и те же феномены приводят к одним и тем же выводам на темы, которые он исследовал; скорее, он говорит: это – тенденция, наблюдаемая в связи с рассуждениями и объяснениями, которые вырабатывались на ранних этапах в культурах, впоследствии достигших большей сложности развития. Известно, что люди, принадлежавшие к этим ранним культурам, были в той же мере способны к логическому мышлению, что их потомки, и что угрозы личному выживанию воздействовали на них точно так же, однако знание, которым они располагали, было менее обширно. Психологи и физиологи, изучающие эффекты стресса, знают, что между людьми имеются огромные индивидуальные различия в характере и степени возбуждения и в реагировании при угрожающей ситуации; лишь при восприятии ситуации как угрожающей непосредственно жизни все люди реагируют явно сходным образом и приходят в сходное состояние. Феномены, размышление о которых приводит представителей очень разных культур к сходным выводам, – следующие: тело как отдельное от души и внешний мир как отдельный от «я»; неумолимая судьба; время, для человека движущееся лишь в одну сторону; несомненно – жизнь под угрозой смерти.

Современный маленький ребенок подобен взрослому представителю ранних культур в нескольких отношениях: он столь же способен к логическому мышлению; столь же не склонен мириться с разлукой и несуществованием, дряхлением и разрушением; наконец, он также понятия не имеет о многих фактах, известных современным взрослым. Мы постараемся показать, что те же самые феномены приводят его к тем же самым выводам.

Психику, или душу, греки, а вслед за ними римляне, ассоциировали с головой; также во многих других культурах голова считалась особо священным органом,местилищем души. Психика имела способности, не имеющие отношения к сознанию. Важным считалось чихание, – как странное событие, порожденное чем-то внутри головы и рассматриваемое как

---

⁴⁸ Имеется в виду быстрая, почти мгновенная переработка сигналов от органов чувств в некую осмысленную картину (прим. пер.).

спонтанное проявление этого чего-то, независимо от тела и сознательной воли. Чихнув, грек обычно говорил: «Спаси меня, Зевс!» Древние евреи, очевидцы происшествия, бормотали молитву за жизнь чихнувшего, а индус восклицал: «Живи!» В книге об английском фольклоре, написанной столетие назад, отмечается, что в графстве Дарем (Durham) на детей призывали благословение, когда они чихали; автор явно не считает этот обычай общераспространенным в Англии, но добавляет, что в герцогстве Вюртембергском (Wurtemberg), когда одного из профессоров настиг приступ чихания, все студенты хором завопили: «Будьте здоровы!», а тот, похоже, принял это как должное, подобно императору Тиберию (Tiberius), который с особой придирчивостью требовал от своих придворных такого поведения⁴⁹.

В доме ребенка, о котором сделана нижеследующая запись, обычай говорить «Господи, благослови!»⁵⁰ в ответ на чихание не соблюдался:

[ДЗ 9]: Бен (6 л. 7 м.) – со своей мамой на кухне; он застегивал свои ботинки; мама чихнула. Б.: «Странно, что ни за что нельзя вспомнить свою прошлую жизнь». М.: «Почему ты подумал об этом?» Б.: «Потому что нельзя изобразить апчхи». (Слово «апчхи» от Бена было услышано только в этом единственном случае.) На этом беседа закончилась. Бен пошел играть. Чихание больше не упоминалось.

Высказывания Бена по поводу повторяющихся жизней уже приводились в [ДЗ 6] (запись тремя годами ранее) и в [ДЗ 7] (запись тремя годами позже приведенной выше). Бен явно рассматривает «изображение» – имитацию – как произвольный, намеренный акт, а чихание, – как «спонтанное проявление чего-то внутри личности, независимо от тела и сознательной воли»⁵¹. Независимость тела – это независимость текущей инкарнации. Невозможность имитировать чихание свидетельствует о различии функций воли и психики, подтверждающем факт предыдущего существования; ребенку остается лишь удивляться неспособности вспомнить его.

Психика как бессмертная душа и жизненный принцип помещалась греками в голове; возможно, – потому что или же, напротив, вследствие этого они отождествляли спинно-мозговую жидкость с семенной⁵². Китайцы также отождествляли души с витальностью, а силу – с семенем, или спермой. По-видимому, тому же руслу следуют рассуждения ребенка, приводящие его к выводу, что акт произведения потомства опасен для его отца. В семьях, где ребенок родился после смерти отца, его рождение могло вызвать тревогу: тогда же – у его старшего брата или же позднее – у него самого. Такое произошло с ученым Густавом Фехнером (Gustav Fechner). Ему было пять лет, когда его отец умер после долгой болезни. Самый младший ребенок, девочка, родился на следующий день после его смерти. Густав сделал вывод: его отец умер, давая жизнь другому; ассоциация событий вызвала у него сильное чувство вины, по мнению психоаналитика д-ра Германна⁵³.

У нас есть на эту тему свидетельства также из собственных исследований. Согласно [ДЗ 2], пятилетний Френсис ассоциирует смерть одного человека с рождением другого. Приводимые далее в книге школьные записи показывают сильное чувство вины, которое мальчик (Бернард N) испытывает в связи со смертью своего отца. В нижеследующей записи личная тревога не выражена, тем не менее, ход мысли мальчика включает ассоциацию между спермой, коитусом и опасностью потери витальности для отца. Фрэнсер в «Золотой ветви» приводит сви-

⁴⁹ W. Henderson, «Folklore of the Northern Counties», 1879 (У. Гендерсон, «Фольклор северных графств»).

⁵⁰ «Bless you!» – аналог принятого у нас «Будь здоров!» (прим. пер.).

⁵¹ Онианс, цит. выше.

⁵² там же, стр. 189 и далее (1954).

⁵³ I. Hermann, «A study of G. T. Fechner», аннотация в *Psychoanalytic Review* («Психоаналитическое исследование личности Г. Т. Фехнера», *Психоаналитическое обозрение*), 24, 1937.

детельства верования, согласно которому отец, в буквальном смысле воплощаясь в ребенке, умирает или находится под угрозой смерти, когда его жена беременеет⁵⁴.

[ДЗ 10] Бен (8 л. 10 м.) и Ричард (5 л. 8 м.) за чаем обсуждали с мамой, кто был самым молодым королем на свете; Р. заинтересовал и развеселил тот факт, что король Испании стал королем еще до того, как родился. Затем Б. сказал что-то, из чего следовало, что, по его мнению, отец умер в результате зачатия ребенка. М. ответила, что, по ее мнению, эти две вещи не связаны друг с другом. Б.: «Но матери иногда умирают, когда рождаются дети». М. сказала: она не думает, что кто-нибудь умирает, чтобы появился ребенок. Б. заявил: он думает, что у его отца что-то вышло изнутри, что не должно было выходить, и от этого он мог умереть.

Представление о том, что воздержание позволяет мужчине сохранить витальность и бессмертную душу и что целибат открывает путь к бессмертию, является, конечно, потенциальным источником психологического конфликта, поскольку продолжение рода – тоже путь к продолжению во времени *крови* и личности мужчины. «Своих сыновей отдают они, свое бессмертие» – было написано о молодых людях, ушедших на войну 1914-го⁵⁵. Шекспир убеждает юного наследника жениться следующими словами:

Но если смерти серп неумолим,
Оставь потомков, чтобы спорить с ним!⁵⁶

Эта же тема звучит двумя тысячами лет раньше. Орест и Электра на могиле отца молят:

Орест:
Пошли нам Правду мстящую в союзницы,
Иль сам восстав, содейлай битву равною:
С тобою одолеем одолевших нас.

Электра:
Услышь мой вопль последний, вопль отчаяния!
Твои птенцы стенают на холму твоём:
Сестру и брата вместе пожалей, отец!
Не дай иссякнуть семени Пелопсову,
Чтоб ты в потомках новых и по смерти жил.
Зане усопших имя и дела звучат,
Живые в детях: пробки так пловучие
Спасают невод, в глубь морей закинутый.
Отец, не за себя лишь, – за тебя скорбим:
Спасая нас, не сам ли ты спасаешься?⁵⁷

«Для философа потомство – то же, что для религиозного человека – мир иной»⁵⁸

---

⁵⁴ Цит. выше.

⁵⁵ R. Brooke, «1914 and Other Poems», 1917 (Р. Брук, «1914 и другие стихотворения»).

⁵⁶ Сонет 12 (перевод С. Маршака).

⁵⁷ Эсхил, «Плакальщицы», пер. Вяч. Иванова, в книге «Трагедии», М., «Наука», 1989.

⁵⁸ Дидро (Diderot), цитировано по J. Baillie, «The Belief in Progress», 1950 (Дж. Бэлли, «Вера в прогресс»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.